

(490)
- 89
149-к

Кузьма Чулгаць
СКАЗКИ
ОХОТНИКА

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

Зак. 1875.

кф

с (Чув)
к 4-89

Кузьма Чулгась

СКАЗКИ ОХОТНИКА

кф

ЦЕБОКСАРЬ

➡ ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ⬅

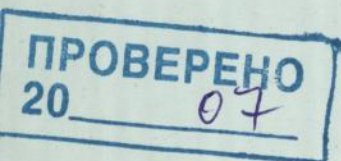
1989

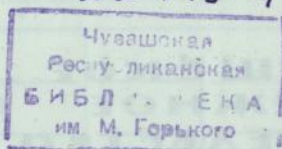
Чувашское книжное издательство, выпустившее эту книгу, и Чувашское (АССР) республиканское отделение советского детского фонда имени В. И. Ленина, предлагают Вам стать участником доброго дела — внести свой взнос в помощь сиротам и детям, оставшимся без родительской заботы, маленьким инвалидам, каждому ребенку, который нуждается в особой помощи общества, а значит, каждого из нас.

Цена на эту книгу, как Вы видите, несколько увеличена. Разница и будет переведена на конкретные цели Детского фонда. Информацию о том, куда именно направлены эти средства, Фонд обязуется публиковать в печати.

Чувашское книжное издательство,
Чувашское (АССР) республикан-
ское отделение советского детского
фонда имени В. И. Ленина.

22 149-кр

Ч 4702650000—145 78—89
М 136(03)—89

ISBN 5-7670-0368-8

© Чувашское книжное издательство, 1989 г.

Как я стал знаменитым охотником

орогие ребята!

Вы сами знаете, что ни отец мой, ни дед, ни прадед не были охотниками. Даже в роду нашем охотников не водилось. Поэтому ребята часто спрашивают:

— Дядя Степан, каким же образом вы стали знаменитым охотником?

А что ж тут удивительного! Знаменитым охотником может стать всякий, у кого умная голова на плечах. Но ведь не у всех она такая, как у меня.

И, действительно, голова у меня очень умная. Она способна выдумывать удивительные вещи. И эту мысль, что мне обязательно нужно сделаться знаменитым охотником, выдумала моя голова. Если вы хотите узнать, как это произошло, я вам расскажу с удовольствием.

Когда мне было десять лет, я был очень сильным и очень смелым. От работы не отказывался и много помогал родителям. Я даже ходил со взрослыми в лес на зайцев.

Однажды взяли меня охотники с собой в Ямашский лес. Взрослые остались на опушке. Сын Василия Хвастуна Прокопий повел нас, ребят, в лес, расставил цепочкой и приказал всем молчать, пока не подаст команду.

Так мы молча и стояли. А когда Прокопий подал

знак и крикнул: «Ать-ать-ать!»—
мы все двинулись вперед, стараясь
перекричать друг друга.

— Ать-ать-ать! Охо-охо-охох!—
загремели в лесу ребячьи голоса.

Скоро на опушку леса высыпало много зайцев. Остав-
шиеся на опушке охотники начали палить в них. Мы стали
кричать еще сильнее.

— Ать-ать-ать! Эхе-эхе-эхех!..

Мы выскочили на опушку. А выстрелы кругом так и
грохочут. Когда стрельба кончилась, охотники подошли к
нам, и пошли тут рассказы. Начал отец Прокопия — Василий
Хвастун:

— Выстрелил я разок, и заяц сразу кувырк!.. Бухнул
я в другого... И тот кувырк!.. Смотрю, прямо на меня
скачет третий. Я прицелился — стоп! Ружье не выстрелило.
В чем дело? Оказывается — забыл зарядить. Так мне и не
пришлось убить третьего. Ускакал косой, — хвалился Василий,
брызгая слюной.

Мы спрашиваем:

— Где же твои зайцы?

А Василий будто и не слышит, все хвастается:

—Хватит мне, думаю, и двух,—говорит он, заряжая ружье,—и побежал искать, где зайцы. Нашел, смотрю — а ноги у них перебиты.

—Ты скажи лучше, где они? Где зайцы?

Василий быстро-быстро замигал, но не стерпел, чтобы не соврать:

—Видите ли, как только зайцы заметили меня, они тотчас разбежались...

Он закурил, сердито сплюнул и отошел в сторону. После него вступил в разговор Матвей Косарь.

—У меня еще интереснее было,—начал он.—Я стоял в конце оврага, где наши бабы берут глину для печей. Вдруг как выскочит большой русак, как понесется прямо на меня. Подпустил я его шагов на пять и выстрелил в упор. Перевернулся мой русак несколько раз. Подошел ближе, смотрю — оба глаза у него потухли: дробинки попали прямо в глаза...

—Покажи своего русака, дядя Матвей!—попросили мы.

—Нету!—говорит он нам.

—Как увидел меня, вскочил мой русак и ускакал, чтоб его!... Так мне стало досадно! Надо было не в глаза, а в ноги стрелять: не ускакал бы...

—Как же он увидел тебя, ведь глаза у него были пробиты?—с серьезным видом спросил Василий Хвастун, как будто сам не хвастался.

—Экая беда! В лесу я его всегда разыщу. Он, слепой, от меня не уйдет, зимой поймаю,—хвалился Матвей Косарь.

—Вот вы стреляли и не поймали ни одного, а я чуть сразу двоих не поймал, да еще без всякого выстрела,— неожиданно выступил Степан Русак.

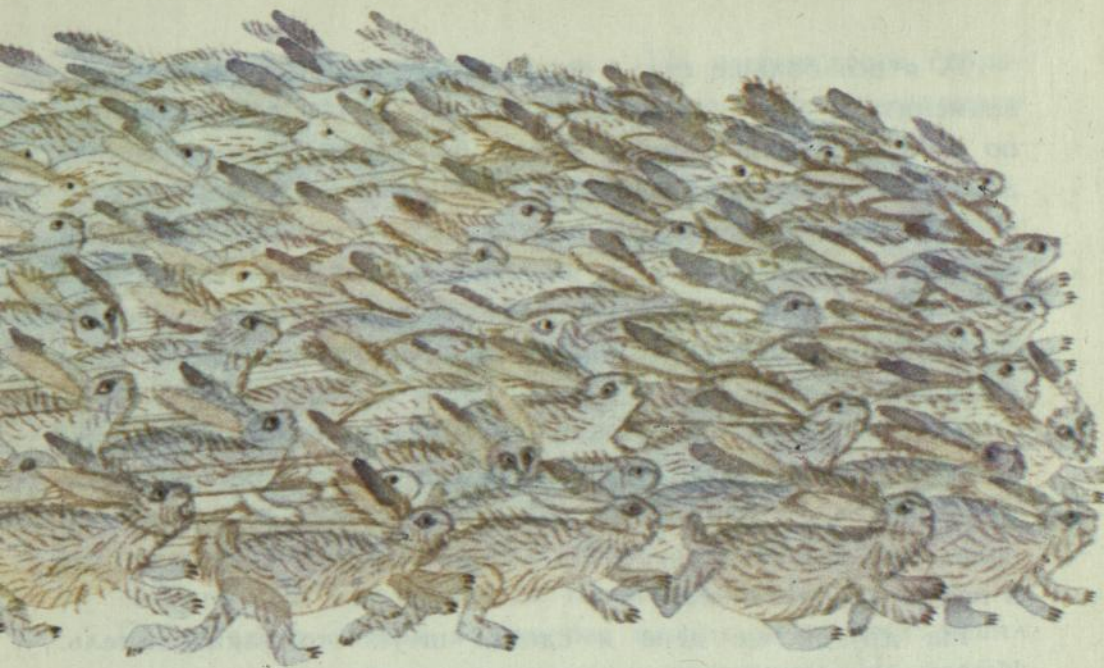
—Как так?— спросили охотники хором.

—Очень просто. Выскочил заяц — и на меня. Я расставил ноги, прицелился. Только хотел выстрелить, как сзади, прямо из-под моих ног, вынырнул другой. От неожиданности я упал. Так обоих и упустил.

Когда окончились охотничьи рассказы, мы опять построились в ряд и пошли пугать зайцев. Опять их выскочило видимо-невидимо, но никому не удалось подстрелить хотя бы одного.

Так мы весь день ходили по Ямашскому лесу, кричали, шумели, охрипли даже. Нам, ребятам, охотники обещали по пятачку, а потом так и не дали ни копейки.

—Ведь мы же не поймали ни одного зайца,— сказали они нам. Я рассердился на обманщиков:

— Эх, вы, горе-охотники! Почему же вы не поймали ни одного зайца?— спросил я у Василия Хвастуна.

— Ха, чего ты захотел, малыш!— засмеялся он.— Хвосты у них больно короткие, никак не ухватишься!

Так же ответил и Степан Русак.

После такого невеселого разговора мы молча зашагали домой. Идти было далеко. Только к вечеру мы добрались до дому. Дорогой-то и сообразила моя голова, что мне обязательно нужно сделаться знаменитым охотником. Но мне не хотелось быть вралем, подобно деревенским охотникам, потому что я сам никогда не вру, люблю правду.

Как только я пришел домой, стал просить отца, чтобы он купил мне ружье. А отец ругается:

— Куда,— говорит,— тебе ружье?! Ты еще и лапти не умеешь плести. Брось думать об охоте, научись сначала за собой ухаживать.

А я все больше стал уверять себя, что непременно буду знаменитым охотником. Даже во сне вижу, будто хожу я по лесу и ловлю зайцев, будто бы каждый раз приношу домой по десять и больше штук.

Однажды я зачем-то пошел к дяде Трифону. Он сидел в саду печальный. У него все яблони погрызли зайцы.

— Так они весь сад перепортят, — ругался дядя Трифон. — Разве у нас охотники! Они только врать мастера, а сами и мышей не поймают...

Тут я решил обязательно переловить зайцев, которые грызли деревья дяди Трифона. А скоро и способ придумал. Вспомнил, как летом отец поймал соседского кота, который повадился к нам в погреб за сметаной. Отец сделал петлю, в нее-то и попался кот.

На другой же день я сделал штук сто таких петель. Когда стемнело, я все их привязал к яблоням в саду дяди Трифона. Вечером прибежал домой и лег спать, а матери велел разбудить меня рано утром.

Всю ночь я не спал. Все думал о зайцах. Как только начало светать, быстро вскочил и побежал в сад.

Как я думал, так оно и вышло: зайцы попались в мою ловушку. Вот они дергаются, прыгают около яблонь и никак не могут освободиться от петель.

Но как же мне их домой унести?

Тут я вспомнил, что дома у меня лежат хорошие салазки. Сбежал за ними и запряг всех зайцев в салазки. Зайцы несколько не испугались, а даже как будто обрадовались. Им, видно, надоело стоять здесь и мерзнуть. Уселся я в салазки, взял длинную хворостину и крикнул: „Эй, вы, косые!“ И помчали они меня во весь дух по моим следам, прямо к нашему двору.

Так вот я за одну ночь и поймал сразу сто два зайца.

Скоро узнала об этом вся деревня. На нашем дворе собралась огромная толпа. Народ дивился, как это я ухитрился поймать столько зайцев.

Прибежал, запыхавшись, и Степан Русак.

— Расскажи-ка, пожалуйста,— говорит,— как это ты смог поймать столько зайцев?

— Стоит ли рассказывать? Ведь ты, дядя Степан, не смог поймать даже того русака, который выскочил у тебя из-под ног,— отвечаю я ему.

Степан Русак покраснел, ничего не ответил, повернулся и ушел.

Пришел и дядя Трифон. Он ласково обнял меня, вынул из кармана пять рублей и дал мне их:

— Купи себе ружье, раз ты такой молодец!

После этого случая я уже без всяких колебаний решил сделаться самым знаменитым в мире охотником. Но прежде чем сделаться таким охотником, мне пришлось долго еще охотиться на всяких диких зверей и птиц, узнавать их уловки и привычки.

И вот теперь я хочу вам рассказать о некоторых своих охотничьих приключениях, как я охотился, как заманивал зверей и ловил их, на какие пускался хитрости.

Как я научился ловить лис

нашей деревне было много охотников: Герасим Кудрявый, Матвей Косарь, Василий Хвастун, Степан Русак, Петр Сковородин и другие. Многих я теперь и не помню. Все они ничуть не были похожи на меня. Бывало, от зари до зари бродят на охоте, ни одного зайца не поймают, только зря лапти треплют.

Герасим Кудрявый считал себя самым старым, самым испытанным охотником. Лицо у него все в морщинах, жиденькая бородка — совсем седая, на голове — ни волоска.

Но Кудрявого никто не признавал за ловкого охотника. Он не знал звериных повадок и говорил, будто медведь любит не мед, а калину.

А Матвей Косарь всегда хвалился, что и отец и дедушка его были незаурядными охотниками. Однако ж сам он так и умер, не поймав ни одного зайца.

Но лучшим мастером по части вранья был Василий. Недаром и фамилия у него была — Хвастун.

На охоту он всегда ходил один и каждый раз приносил по зайцу. Идет, бывало, по улице, закинет добычу за спину и гордо на всех посматривает:

— Василий, — удивляются соседи, — этак ты перестреляешь всех зайцев!

— Для меня каждый день рождаются двадцать зайчат, — отвечает Василий, ни на кого не глядя.

Но я не верил Василию. Решил проследить за ним. И вот однажды украдкой пошел за ним в овраг. Вдруг Василий пропал, словно сквозь землю провалился. Не успел я сообразить, в чем дело, только взялся было за трубку, как наш Василий вынырнул из оврага, а в руках у него уже заяц!

«Как же он поймал его, ведь выстрела не было? — удивился я. — Может быть, у него капканы расставлены?» — И я поспешил осмотреть то место, где был пойман заяц.

Хвастун — легкомысленный, пустой человек, ветрогон! На том месте, откуда он вышел, валялись клочья пеньки, обрывки ниток, всякий мусор.

«Ага, — догадался я, — вот он как ловит зайцев! Теперь-то я знаю! Он, оказывается, всех обманывает».

Я побежал в деревню вслед за Василием. Гляжу, он опять, напустив на себя важный вид, степенно, как индюк, шагает по улице. Я забежал вперед, подошел к нему и говорю:

— Здравствуй, дядя Василий!

— Здорово! Видишь, какого я поймал зайца! — говорит он. — Вот тут, недалеко, за гумнами.

— Разреши-ка взглянуть! — сказал я и протянул к зайцу руки.

— Иди, иди, нельзя! — ответил он, отстраняя меня.

Но я схватил все-таки его зайца. Василий вырвал зайца обратно. Вот тут-то и открылась тайна Василия Хвастуна. Хвост у зайца оторвался, а из зайца посыпалась разная труха: хлопок, кострика, тряпки, пенька. И тут вся деревня узнала, что Хвастун никакой не охотник, а просто морочил всем головы. Купит на базаре заячью шкуру, унесет ее в

овраг, набьет чучело и потом каждый раз, возвращаясь с охоты, вешает это чучело на спину.

Да и другие наши охотники недалеко ушли от Василия. Один Петр Сковородин кое-что соображал в охотничьем деле. Он-то и научил меня ловить лисиц.

Дело было так. Собрались мы как-то в лесной караулке. Петр Сковородин расхвастался:

— Никто из вас не знает, как поймать лису, а я, как увижу ее следы, так обязательно поймаю, ни за что не упущу.

— Врешь ты, — заметил Хвастун, — ты лучше сиди, смотри, как другие ловят, с тебя и этого хватит.

— А ты, видно, — обиделся Сковородин, — рад был и тому, что таскал за спиной и показывал людям чучело, вместо настоящего зайца. Скажи, сколько раз ты прогуливался с чучелом по улице?

Все, кроме Хвастуна, засмеялись.

Потом мы стали просить Сковородина:

— Покажи нам, как ты ловишь лис.

— Вы, — говорит, — мне не верите! Ладно! Поедем сейчас же в Ямашский лес, найдем лисий след. Вы и увидите, как я буду ловить.

Мы согласились. Запрягли лошадь, двинулись к лесу и в полдень были уже у опушки. Лошадь оставили у оврага, а сами пошли в самую чащу. Долго шли. Вдруг Кудрявый кричит:

— Нашел! Следы нашел!

Пошли мы осторожно по этим следам и скоро вышли к густым зарослям.

— Тихо, — шепчет Сковородин, — мы с Лапшиным обойдем кустарник, а вы постойте тут.

Пошли мы с ним вокруг кустарника. Сковородин снял с плеча мешок, вынул из него большой моток бечевки, привязал конец к ветке и давай всю разматывать и вешать на кусты по кругу. А к бечевке, через каждый метр, пришиты яркие красные лоскуты, точно флажки.

Вот мы с ним вернулись на старое место.

Здесь Сковородин оставил вход в круг, метров на десять.

— Сейчас поймем лисоньку, — сказал он. — Войдите двое в круг и походите там взад-вперед. Только разговаривать надо шёпотом, а то ничего не выйдет.

Матвей Косарь с Василием Хвастуном вошли в круг. Мы с Петром спрятались за липой у самого входа. Прошло несколько минут. Вдруг Пётр как толкнет меня в бок:

— Гляди, гляди! — шепчет он.

Посмотрел я и ахнул: по кругу мечется лисица, подбежит к флажкам, с испугу шарахнется, в другом месте подбежит к флажкам и опять назад. Металась, металась она по кругу и — делать нечего — пошла на нас. Тут Сковородин хорошенько прицелился, выстрелил из ружья и убил лису наповал.

Вот как, ребята, было дело!

Стал я после этого каждый день ходить к Сковородину.

— Дядя Петр, скажи, пожалуйста, почему лиса бежала прочь от флажков?

Но сколько ни просил, Петр так и не выдал мне лисьих повадок.

— Смотри, я тоже тебе когда-нибудь пригожусь, — сердился я.

Я обиделся на Петра и стал сам изучать лисьи повадки. Лиса ищет пищу по утрам. Днем она прячется где-нибудь в дупле или залезет на высокий пенек и спит. На земле лиса спать **боятся**: вдруг волк нападет, или медведь, или еще кто-нибудь. Если след лисы привел вас в заросли или в другое укромное место, так и знайте, что лисонька там. Лиса очень чутка: чуть услышит голос, так и пускается в бегство. Это как раз на руку охотникам. Они окружают веревкой заросли, где спряталась лиса, и разговаривают вполголоса, чтобы не слишком напугать ее. Лиса, услышав разговор, срывается с места. Подбежит к веревке с флажками — бросится в другую сторону, так мечется, пока не увидит свободного прохода. Бросается туда! Но здесь охотники ждут ее и встречают выстрелами.

Если чересчур напугать лису, она со страху может не заметить веревки и кинется через нее. Тогда пиши пропало: не видать тебе больше лисы, хоть ты три дня сиди и стереги ее у входа.

Сковородин не отличался сообразительностью. Он сам не мог придумать этот способ. Все же он не хотел о нём рассказать, видимо, боялся, что другие переловят всех лис. Такой у него был характер.

Мне этот способ, откровенно говоря, не понравился: из-за одной лисы надо ходить пятерым, таскать с собой длинную

веревку, пришивать к ней флажки... А еще сколько времени надо ждать и мучиться!

Нет, это не по мне! Я люблю ходить один и ловить в день не меньше пяти-шести лисиц. И я добился этого. Вот послушайте!

Как-то летом я возвращался с Исмелевского базара. Шел я через Ямашский лес и дошел как раз до того места, где Петр Сквородин поймал лису. «Загляну-ка,—думаю,—в эти кусты»,—и стал пробираться в чащу. А там столько сучьев, хворосту, что не пройдешь. Дошел я до глубокого оврага, но ничего на его дне не видно. Все же спустился туда и от удивления замер: на дне оврага—сплошь лисьи норы. «Так вот где лисицы живут!»—подумал я и стал считать норы. Считал, считал, счет потерял, устал, не заметил, как настал вечер. В темноте выбрался из оврага и веселый пошел домой.

Осенью, еще до снега, я в этом овраге вырыл глубокую яму и опустил туда ящик. Зимой в ящик посадил живого зайца. Заяц громко кричал на весь лес. Голодные лисы за несколько километров чуяли зайца, вперегонки неслись к яме и падали прямо на самое дно.

Вот так я научился ловить лис. Бывало, на Исмелевский базар везу полный воз лис. Все охотники ахали. Петр Сквородин пришел ко мне, стал умолять, чтобы я ему открыл свой секрет.

—Степанушка, голубчик мой, расскажи, как ты ловишь сразу по столько лис?—приставал он ко мне.

—Я тебя угощу тем, чем ты меня угощал, дядя Петр,—ответил я и стал запрягать лошадь, чтобы ехать в лес за лисами. Я знал, они давно ждут меня в яме.

Как я охотился
на хорьков
и как мне пришлось
один раз
за всю жизнь
солгать

днажды пришлось мне все-таки солгать.

Как-то старуха моя захворала и пролежала месяца три. С горя тогда я сам чуть не заболел.

За водой приходилось мне ходить самому. И чего только не наслушаешься у колодца! Деревня у нас небольшая. Сходишь раз за водой — сразу все деревенские новости узнаешь. Соберутся у колодца женщины, давай судачить:

— Сегодня утром у тети Патюн овца принесла двух ягнят.

— Старшая дочка Степана, Катенька, пекла вчера блины, уронила на пол сковородку, сковородка вдребезги. Мать весь день бранилась, бранилась!..

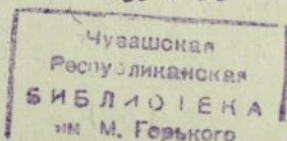
— Да, девка, прямо сказать, никудышная. Даже хлеб и то не умеет ставить. Как тут не браниться? За всю зиму напряла только два мотка. Куда это годится?

— А у дяди Гордея все в доме чуть не до смерти угорели. Младшая сноха рано закрыла трубу и напустила угару.

А то еще начнут рассказывать про то, как Иван Плешивый и Василий задумали истопить баню, или как у Петра Сковородина вчера ели кашу с маслом. Всего наслушаешься.

Пошел я однажды за водой. Гляжу: у колодца опять много женщин собралось.

22149-кр

— Легок на помине. Вот как раз и сам ты явился, кум Степан,— проговорила жена Федора с верхней улицы.

— Видно, бранили меня?— спросил я.

Старуха дедушки Степана отвечает:

— Разве станешь говорить плохое о добром человеке?

— Ну, вы все же говорили про меня? Знаю я вас!

— Вчера у дяди Гордея,— продолжали рассказывать женщины,— пропало сразу пять кур. Зверьки какие-то появились. Так и жрут! Откуда они только взялись? Раньше их совсем не было. Надо бы их переловить, проклятых!

— Я собиралась пойти к тебе просить, чтобы ты избавил нас от этих зверьков,— сказала другая,— а то останемся вовсе без кур.

— Да откуда вы взяли, что это зверек душит кур?

— Старуха Гордея сама видела. Сорок ног у него, бегают быстро.

— А у меня только две ноги. Как же я буду ловить его?

— Пускай хоть у него сотня ног, ты-то поймаешь его! Ты— бывалый охотник!— твердят женщины.

— Вот поправится старуха, тогда всех зверьков переловлю,— сказал я и пошел домой.

На другой день у колодца слышу— опять те же разговоры.

— У дяди Гордея пять кур пропало, у Сковородина— семь, да и последнего петуха задушили тоже. А какой красавец-петух был! Уж лучше бы у Софрона Ники-

тина петуха прибрали, тот никудышный: поет не вовремя, спать не дает,—охали наперебой женщины.

—Кум Степан, уж ты, пожалуйста, постарайся, избавь нас от этих зверьков,—начали они опять умолять меня.

Я промолчал.

На другой день по селу пошли слухи: будто дядя Гордей взял да посадил своих кур в подполье и сторожил их там до утра. А ночью все-таки кур его кто-то передушил. А дядя Хвастун будто бы спас своих кур тем, что запрятал их в хлев.

Не больно-то верил я этим слухам. Но кур в деревне становилось все меньше. В оврагах и за околицей валялись куриные тушки. Теперь все стали прятать кур в хлевы, в подпол. Женщины то и дело приходили ко мне, просили, чтобы я помог им.

Ну, вы сами знаете, я человек простой, сердобольный. Не люблю, чтоб долго кланялись, просили. Я согласился. Женщины за это обещали помочь моей больной старухе.

Взялся я за дело. Осмотрел местность и допытался: следы хорьков. Значит, они-то и душили кур.

От старых охотников я слышал, что хорек — большой любитель курятины. Хорек — зверек чуткий. Он издали видит человека. Ловко прячется. Шкура хорька в большой цене. Но не всякий охотник может его добыть.

«О,—сказал я себе,—меня он не перехитрит!» Только

жалко испортить шкурку дробью. Поэтому решил я не стрелять в них. Стану бить палкой. Так оно сподручнее.

Приготовил я увесистую дубинку и пошел с собакой Шашкой по следам хорька. Следы привели в Ямашский лес. А лес этот большой-пребольшой! Там водится всякое зверье! Иные охотники в этот лес далеко и заходить боятся.

По следам хорька мы забрались в самую чащобу. Вдруг я заметил, что следы около лип пропадают. «Неужели хорьки живут на деревьях, как белки?» — подумал я. Смотрю вверх, однако нигде на деревьях хорьков не видеть.

Так мы и блуждали с Шашкой по глубоким сугробам до самого вечера. Куда идти? Долго я ломал голову, пока, наконец, сообразил: «Тьфу ты! Да ведь хорьки, проклятые, наверное, в дуплах живут?»

Решил проверить. Размахнулся и — хлоп! дубиной по стволу старой липы. А из дупла как стали выскакивать

хорьки друг за другом, никак не меньше сотни. Хорьков было так много, что в первую минуту у меня глаза разбежались. А когда я опомнился и с маху стал бить их дубиной, Шашка, вцепившись зубами в горло, стала душить хорьков. Так мы с Шашкой убили всех хорьков, выскочивших из дупла. Добыча была необыкновенная в этот день. Шутка ли сказать, восемьдесят штук! Невиданная удача для охотника! Эх, что за шкурки у них! Глаз не оторвать! «Набить бы побольше хорьков на шубу себе и старухе!»—подумал я и еще долго, с большим усердием колотил дубинкой по липам. Хорьков было видимо-невидимо! Только успевай размахивать дубинкой. К утру набралась куча хорьков. Куда спрятать, сам не знаю. Складываю в кучу на краю оврага. Стал считать их — со счёту сбился.

Пока я возился с хорьками, сильно устал, да и светать стало. Пора в деревню. Но кто будет стеречь добычу? Усадил я Шашку в большую теплую рукавицу, посадил ее на высокий пенек и наказал сторожить, а сам побежал налаживать обоз, чтоб вывезти хорьков.

Только я вышел на опушку, навстречу мне — стрелок Захар. Он сторожит Ямашский лес. Про него все говорили, будто он злой, как леший. «Беда,—думаю,—отнимет у меня добычу. Тогда прощайся, старуха, с хорьковой шубой».

Решил схитрить.

— Ты что тут ходишь? — спрашивает Захар.

— Разве ты не знаешь меня? Я — Степан Лапшин, ищу зайцев. Да что-то не видно их.

— Что там зайцы? — сердито ворчит Захар. — У меня кто-то срубил и увез целых три больших липы! Не знаешь, кто?

— Нет, не знаю. Но я встретил три подводы с липами, в сторону Пахчал поехали, — солгал я.

Пришлось соврать — ничего не поделаешь, а то бы не видать нам со старухой ни шубы, ни тулупа из хорьковых шкурок.

Захар свернул в сторону Пахчал, а я — домой. Снарядил пять подвод и быстрее за хорьками.

Вся деревня хотела ехать в лес, когда узнала про мою добычу, но я сказал, что больше пяти подвод не потребуется. И не ошибся. Ровно пять полных возов и вышло.

Сказка четвертая
Как я живьем
поймал волка
и повредил себе
руку

После случая с хорьками меня все стали считать знаменитым охотником. Ко мне часто наведывались прежние «знаменитые» охотники посидеть и потолковать о хорьках.

Часто прибегали и ребята, спрашивали про охоту на хорьков. Ребят я очень люблю. Они не такие хвастунишки, как охотники. Ребята всегда говорят правду. Я им подробно рассказывал о своих приключениях, а они с жадностью слушали меня и мечтали тоже стать знаменитыми охотниками.

Однажды ребята собрались у меня и спрашивают:

— Что это за шрам у тебя на руке, дядя Степан? Как ты ее повредил? Расскажи.

— Ладно, расскажу, — согласился я. — Только — чур, уговор: происшествие это очень интересное, будьте внимательны. И не перебивать.

Ребята согласились.

— А очень длинный рассказ? — любопытствуют они.

— Нет, не очень, — шучу я в ответ, — если растянуть его, как нитку, до луны достанет, если из этой нитки сделать клубок, будет он большой, как котел, а если рукавицы связать, то и на один палец не хватит. А рассказывать об

этом нужно целый год. Не хватит терпения — не дослушаете.

— Нет, не умрем. Расскажи, дядя Степан!

— Есть у меня старуха. Вы все ее знаете. Сердитая такая, ворчливая. Сколько раз она донимала меня, бранила за всякую всячину. Иногда целый месяц ходит и злится, спроси почему — сама не скажет...

— Не старуха ли ударила тебя по руке? — догадываются ребята.

— Нет, старуха за сорок лет меня ни разу пальчиком не тронула. А вышло все из-за коромысла.

— Что же случилось?

— Был уговор: не перебивать. Об этом и пойдет речь. Слушайте. Пошла раз моя старуха за водой, зачерпнула воды и только хотела поднять ведра, а коромысло-то пополам — трах! С тех пор она все приставала: купи да купи ей новое коромысло. И так надоела, что я, чтоб отвязаться, съездил на базар и привез новенькое.

— Больше не ломай, береги, — говорю ей.

Повертела старуха коромысло в руках и заворчала снова.

— Глянь-ка, старый бес, глянь, что это такое? Видно, ты где-то на базаре глаза свои обронил! Видно, ты ослеп, когда выбирал коромысло, видно, ты... — и пошла вертеть языком, как мельничным колесом.

Глянул я на коромысло — что за диво? Ведь оно было без всякой трещины. Откуда же трещина?

— Ну,— говорю старухе,— придется тебе в субботу съездить в город. Выберешь сама, какое понравится.

Старуха обрадовалась.

Настал базарный день. До города далеко, восемнадцать километров. Выехали мы еще до рассвета. Был сильный мороз. Проехали километров шесть. Вдруг лошадь остановилась, как вкопанная, наострила уши, стала храпеть.

Отогнул я высокий воротник тулупа, смотрю и глазам не верю: перед мордой лошади, разинув пасть и щелкая зубами, сидит худой отощавший волк. Мое сердце так и обмерло. «Ну,— думаю,— пропал! Проглотит лошадку и меня вместе с тулупом. Да и старуху не пожалеет. Голод не тетка. Что делать?»

Я закричал на волка, а он ни с места. Смотрит на меня огненными глазами, да и только. Старуха сжалась от страха. Дрожит. Да и мне, признаться, не весело. Все-таки волк, дикий зверь. Его не уговоришь. Шутки с ним плохи.

Много я ловил волков, никогда их не боялся, а тут почему-то поджилки затряслись. А волк еще шире разинул пасть и шагнул прямо на меня.

Дернул я старуху за рукав и говорю:

—Смотри, старуха, волк!.. Самому, что ли, полезть ему в пасть или тебя подкинуть?

А старуха моя испугалась, закричала, заплакала.

—Ой! Не лезь к нему! Не тревожь и меня!

Знал бы — захватил бы двустолку. Одним выстрелом уложил бы волка. А теперь — стой и думай, как быть? Но я в опасности догадлив. Я решил схватить его за хвост и ударить головой о сани. Подхожу все ближе и ближе. А он не убегает. Смотрит на меня немигающими глазами — и ни с места. Я р-раз! подскочил к нему и с размаху всунул ему в пасть правую руку вместе с рукавом тулупа. Ну и пасть же была у этого волка. Ухватил я тут шершавый язык...

—Наверное, волк и укусил руку-то? — прервали меня.

—Как он укусит? Ведь рукав-то широкий, овчина толстая, ее и медведь не прокусит, — сказал я. — Вы только помалкивайте, не мешайте рассказывать. Ухватил я его за язык и потащил за собой. Лошадка тронулась. А волк скоро выбился из сил, присмирел, еле-еле перебирает ногами. Старуха повеселела, перестала плакать, смеется от радости. Однако я человек по природе не жестокий. Пожалел волка и усадил его рядом с собой в сани. Старуха забеспокоилась.

—Пропадешь ты, Степан! Смотри, руку отхватит, калекой ведь будешь! Какой хозяин без руки?

—Не беспокойся, волк смирный, не проглотит.

—Руку откусит, калекой останешься.

—Нет, калекой не буду. Если и откусит руку, новую приделают в городской больнице, — шучу я.

Успокоилась старуха и погнала лошадь, а я крепко-накрепко держу волка. А он закинул морду, из пасти пена течет, на меня глаза таращит. «Подохнет еще», — думаю. Но волк оказался живучим. Он перевел дух и опять уставился на меня свирепыми глазами. А когда стали попадаться встреч-

ные, он и на них норовит прыгнуть. Хочу вытянуть руку, но боюсь. «Схватит,—думаю,—за горло, не посмотрит на то, что я усадил его в сани».

Приехали на базар. Народу уйма. Решил удивить всех. Наказал старухе направить лошадь к середине базара. Народ в страхе от нас шарахается. А когда люди приходят немного в себя, хлопают от удивления по бедрам и спрашивают:

—Как же ты поймал его?

—Что ж тут такого? Какие пустяки. Каждый это сумеет сделать. Волки падки на мед, как и медведи. Если хотите живьем поймать волка, намажьте себе руки медом, идите в поле, ложитесь и ждите. Подбежит к вам голодный волк и станет лизать ваши руки, а вы и схватите его за язык, вот как я.

Люди говорят:

—Молодец ты, Степан!

Подъехали мы к дому, где помещалась контора союза охотников. Председатель увидел волка и со страху на пол покатился, под скамью.

—Что с вами, Кирилл Викторович?—спрашиваю.

А он весь дрожит, как осиновый лист. А когда, очнувшись, выполз из-под скамьи, давай ругать меня:

—Зачем ты, Степан Петрович, привел сюда живого волка? Как теперь убьем его?

А тут как раз проходил охотник с ружьем. Председатель позвал его:

—Эй, иди-ка, застрели волка.

Охотник обрадовался случаю показать свое искусство и при народе выстрелил волку в живот. Тут я вдруг почувствовал, как мою руку обожгло что-то. Выдернул ее поскорей, а кровь так и льет, как из ведра. Пуля прошла сквозь волчье брюхо и угодила в мою руку.

Как я
из-за медведя
просидел трое
суток в лесу
на дереве

давних времен в Ямашском лесу водилось много медведей. В лесу их можно было встретить прямо целыми стадами.

Первый раз пришлось их ловить, когда мне было пятнадцать лет. Попался тогда огромный медведь, одного мяса было двенадцать пудов. Всю зиму мы ели медвежатину. После этого случая я каждый год, бывало, убивал по тридцати медведей. В четыре года я весь Ямашский лес опустошил: не осталось ни одного медведя. С тех пор никто не видал у нас медведей не только у околицы, но и в самом лесу.

Расскажу вам, ребята, как я поймал последний раз медведя. Это было в Сибири, в тайге.

Мой старший сын жил тогда в Сибири. Он учительствовал в одной деревне, а деревня была в тайге. Сын часто писал мне, чтобы я приехал к нему погостить.

Вот как-то, осенью, закончили мы полевые работы, и я поехал в Сибирь. Захватил я с собой, конечно, двустволку, мешочек с порохом, пуда полтора дрови и любимую свою Шашку забрал. Знал я, что в тайге много разной дичи. Авось, удастся поохотиться. Я же знаменитый охотник. Не могу я жить без охоты.

Через пять дней приехал к сыну. Живу у него день,

два, а на третий заскучал, сильно захотелось на охоту. А сын напутствует:

—Смотри, батя, берегись. Далеко в тайгу не заходи. Тайга огромная — заблудишься еще!

—Какая бы она ни была, за сутки я ее пройду и вернусь, — отвечаю сыну.

Быстро собрался, сунул за пояс маленький топорик, взял ружье, свистнул Шашку, и мы пошли.

Ребята, вы, наверное, не знаете тайги? Ей конца-краю нет. Деревья там очень густые и очень толстые. Иные встречаются в три обхвата. Кругом кедр да лиственница. На кедрах белки орехи щелкают. Местами попадаются дебри непроходимые. Иной раз взглянешь и неба не увидишь. Там много оврагов и болот. Попадаются овраги очень глубокие и непроходимые.

Вот вышел я на край такого оврага. Глянул вниз — дна не видать. Глянул в другой раз — остолбенел: в нескольких шагах от меня — медведь, огромный такой, что-то копошится

под сломанным деревом. Ухватит лапами расщепленную макушку, притянет ее к себе и быстро отпускает — макушка со звоном отлетает прочь. Вот чем вздумал забавляться. Веселый медведь! «Видно, музыку любит, — смекнул я. — Это наверняка самый умный медведь. Не буду стрелять. Пусть развлекается».

Я хотел было уйти, да вдруг залаяла Шашка. Оказывается, она нашла ежа и очень

испугалась. Я пригрозил ей, но Шашка не слушается. Лает изо всей мочи. «Ну,—думаю,—увидит сейчас меня медведь и схватит, пропал я! И зачем только я взял с собой Шашку!»

И верно, медведь оставил дерево, сердито взглянул в мою сторону, выпрямился и замахал громадными лапами. Что делать? Жалко застрелить такого умного медведя. Да и как дотащишь его домой?

Все же решил стрелять. Грянул выстрел. Медведь страшно заревел и давай карабкаться вверх по оврагу, прямо ко мне. Тут я струсил, не знаю, что делать дальше. Шашка куда-то пропала. Хорошо ей бежать на четырех ногах! Были бы и у меня четыре ноги — так и я давно бы скрылся. А медведь все приближается ко мне, а сам все ревет и ревет.

Возле меня стоял столетний кедр. Я быстро залез на него. Подошел медведь, смотрит вверх и грозит мне лапой.

«Теперь не достанешь!» — посмеиваюсь над медведем про себя. Уселся я на крепкий сук поудобнее, как на табуретку, прицелился и еще раз выстрелил. Медведь заревел еще громче и, ломая ветви, быстро стал карабкаться по дереву, подбираясь ко мне.

— Шашка, Шашка! — закричал я.

Откуда ни возьмись — Шашка. Мигом подскочила она к медведю сзади. Ощерилась, вцепилась ему в хвост и давай стаскивать на землю. Медведь повернулся к Шашке, сполз с дерева и кинулся за собакой. Но куда косолапому угнаться за Шашкой!

Не догнав собаку, медведь

вернулся обратно. Еще больше рассвирепев, он опять полез ко мне на дерево.

— Шашка! — закричал я вновь.

Шашка подбежала и еще раз укусила медведя за хвост. Видно, больно стало медведю, пустился он за собачкой и долго гонялся за ней, как кошка за мышкой.

Тем временем я спрыгнул на землю, схватил выпавший из-за пояса топорик и залез на другое дерево, потоньше. А чтобы медведю трудней было забраться на него, я обрубил на дереве все сучья.

А медведь, обозлившись от неудачной погони, прибежал к дереву и опять лезет ко мне, несмотря на то, что ствол гладкий. Лучше человека лезет. Третий раз крикнул я Шашку. Та прибежала и больно укусила медведя. Но медведь стал хитрее и не погнался за Шашкой, а продолжал подниматься по дереву, таща за собой и Шашку, которая вцепилась ему в хвост.

«Ну, теперь держись, Степан», — сказал я самому себе. Размахнулся и как хвачу топором медведя по лапе. Отвалилась лапа, упала наземь, а вслед за ней рухнул и медведь, чуть-чуть не придавив Шашку.

Тяжело поднялся медведь и одной лапой сердито начал трясти дерево, стараясь вырвать его с корнем. Дерево не поддавалось. Тогда медведь зубами стал вырывать корни один за другим. Сначала подроеет землю вокруг корня, а потом выдернет его.

Тут я выстрелил медведю прямо в губы. Зафыркал медведь и забрызгал кровью Шашку, которая все прыгала около него.

Выстрелил я в четвертый раз. Завыл медведь.

«Эге, не знал я, что надо в губы стрелять, а то бы давно свалил тебя», — подумал я.

Но радоваться было рано. Медведь облизал губы и опять принялся за корни. Чувствую, дерево зашаталось и наклонилось. Теперь мне конец. Руки дрожат, никак не могу зарядить ружье. Опять крикнул Шашку, но та уже боится подбегать к медведю. Кое-как я зарядил ружье, выстрелил подряд два раза, и медведь свалился на спину. Обрадовался я и дал еще несколько выстрелов. Медведь затих, но я все еще боялся сойти с дерева. Тут я вспомнил, как один старый охотник, Герасим Кудрявый, учил меня:

—Смотри, Степан, медведь любит притворяться! Подойдешь, он как встанет и набросится на тебя.

Поэтому я остался сидеть на дереве, крепко привязал себя к стволу и даже решил вздремнуть немного.

Сколько я спал, не помню. Проснулся утром, а медведь все лежит, не шелохнется. Спустить или нет? Неужели никого нет побли-

зости? Я громко стал звать на помощь. Вдруг где-то грянул выстрел. Я тоже выстрелом дал знать о себе.

Скоро подошел ко мне охотник.

— Осторожней,— крикнул я ему,— не подходи близко: видишь, медведь мертвым прикинулся.

Охотник выстрелил в медведя, но он даже не шевельнулся. Откуда-то вдруг выскочила Шашка. И откуда бы вы думали? Из огромного мохнатого уха медведя, где она проспала всю ночь.

«Ну, значит, медведь и в самом деле мертвый»,— решили мы.

Я слез с дерева весь продрогший, ноги заоченели, еле двигаются. Кое-как подошел к медведю и ударил его по лбу обухом. А медведь был давно убит. Иначе как могла бы ночевать у него в ухе Шашка? Не знал я об этом раньше. Даже обидно стало, зря ночь напролет на суку, как филин, просидел. Вот и верь после этого Герасиму Кудрявому. А я думал, что он опытный охотник.

Подошедший на выручку охотник был из той же деревни, где жил мой сын.

— Вся деревня вышла искать тебя,— сказал он.— Три дня прошло, а тебя все нет, думали, медведь заел. Сын твой очень беспокоится. Всю округу на ноги поднял.

Я удивился. Неужели трое суток просидел я на дереве? Пощупал я свой живот—он совсем пустой. Вот так раз! Трое суток на дереве просидеть, да еще простудиться и чуть со страху и голода не умереть.

И я несколько не пожалел, что взял с собой Шашку. Без нее я не поймал бы не только медведя, но и зайца. Долго я питался медвежьим мясом и салом и понемногу вошел в силу, выздоровел, а то бы не пришлось мне больше ходить на охоту.

Как я живьем поймал льва

ы, конечно, никогда не вида-
ли живого льва. Наверное, не знаете, как на него охотят-
ся. Так вот, слушайте, теперь я расскажу вам презабавный
случай о том, как я поймал живого льва.

Надо вам сказать, что львы живут в жарких странах.
Лев — очень сильный зверь, он легко может с двухгодовалым
быком перепрыгнуть через высокий забор.

Вы, конечно, можете спросить меня:

— Как же, мол, так, дядя Степан, ведь в жарких странах
ты не бывал, а льва поймал?

Да, вы правы. В жарких странах я ни разу не бывал.
Да и не мечтал, чтоб когда-либо поохотиться на львов.

А случилось это в Ямашском же лесу, куда я часто ходил
на охоту.

Мне тогда было девятнадцать лет. Работал я у одного
кулака — возил на станцию железной дороги клепки для
кадок и бочек.

Однажды, разгрузив подводу, я собрался было ехать
домой, как вдруг слышу крики около только что подошед-
шего поезда. Это меня заинтересовало. Подбежал я к вагонам,
смотрю: в одном из них за решеткой сидит лев. Я стал
наблюдать, как лев шагает из угла в угол, трясет могучей

гривой и яростно посматривает на столпившихся перед ним людей.

Я удивился: какой же охотник поймал этого льва? Неужели на свете есть такой смелый человек? «Наверное, его поймал самый ловкий и сильный охотник»,—подумал я, и мне захотелось стать таким же. Но что делать: в нашем краю львы совсем не водятся.

Грустно стало мне. Завидно.

В это время подходят к вагону два человека, волокут целую тушу мяса. Наверное, пуда два.

—Это для льва?—удивился кто-то.

—Неужели лев столько съест?—спросил я.

—Два пуда в день съедает,—ответил один из подошедших.

Взял он длинный железный прут с кольцом и стал гнать льва в дальний угол клетки. Но лев и не думал отходить от решетки, он обвил кончиком хвоста кольцо железного прута и давай тянуть человека к себе. Льва сильно раздражал железный прут. Несколько человек кинулись на помощь, а лев и с места не двинулся.

Тогда один из них открыл дверь, чтобы швырнуть мясо в клетку. Но тут лев изловчился и ка-а-к выпрыгнет вон из вагона!

Поднялся страшный шум, суматоха, неразбериха. Все кричат, разбегаются. В ужасе не успел я опомниться, а льва уже и след простыл. Стою и смотрю на дверную решетку, через которую выскочил лев. А народу собралось—уйма. Был базарный день. Многие бросились к плетням, повыдергали колья, чтобы, в случае чего, отбиваться от льва. Чудаки! Колом разве только хорька убьешь.

Не прошло и двух дней, как люди стали жаловаться на пропажу овец. Конечно, это уносил их тот самый лев,

который убежал из вагона. Говорили, что он каждый день таскал по десять-двадцать голов. Люди стали запираť скотину в хлевы и конюшни, иные даже прятали ее в погреба, на чердаки...

Скоро лев начал валить коров. Народ не знал, что делать. Не раз собирались охотники, составляли различные планы, все думали, как избавиться от ненасытного льва. Пахчальские охотники надумали связать большие сети из толстых и крепких веревок, для этой цели они собрали десятки пудов кудели. Славашские охотники вырыли в поле широкую и глубокую яму, бросили туда живого быка и стали стеречь: может быть, лев прибежит и свалится в эту яму. Другие охотники советовали даже поджечь Ямашский лес, чтобы избавиться навсегда от этого страшного зверя.

— Лев тогда сгорит в лесу, — говорили они.

В те дни я, ребята, был еще неизвестным и скромным охотником. Никто моих советов даже и слушать не хотел.

— Научись сначала ловить зайцев, — смеялись охотники, — а охотиться на льва совсем не твое дело.

Мне стало обидно. Ведь я был от природы сильным, это я хорошо знал. Кровь кипела во мне. Я мог подцепить носками сапог две двухпудовые гири и пройти с ними десятки километров. Но никто не верил, что я такой сильный, и все смеялись надо мной, считая меня подростком.

Однажды, рано утром, пошел я в лес. «Может быть, встречу льва — будь что будет», — решил я. Бродил по лесу долго, уже солнце поднялось высоко. Однако я никого не встретил. Но чу! Слышу вдруг где-то, совсем близко, страшный, потрясающий душу рев. Волосы дыбом встали у меня, но я быстро успокоился, не торопясь иду вперед. И вот, наконец, вдали вижу огненную гриву льва, того самого, что убежал со станции. Что делать? Решил выстрелить льву в сердце. Поднял ружье, приготовился. Лев подходит все ближе, все ближе. Батюшки мои! Не могу стрелять, пальцы не слушаются. Что же теперь делать? А лев, увидев меня, сделал огромный скачок и был уже совсем близко. Однако я пересилил страх, быстро сообразил, что надо влезть в дупло дерева. Рядом стояла старая липа с дуплом. Не раздумывая долго, я прыгнул в дупло. Лев сделал еще скачок и очутился у самой липы.

Да, вовремя я успел спастись, а то бы попался в лапы льву, и он растерзал бы меня на части.

Сунул лев морду ко мне в дупло, но ничего не может сделать. В дупле темно, хоть глаз выколи. Лев заглянул в дупло страшными глазами. Сердце у меня со страху замерло. Я отшатнулся подальше, в темноту. Лев долго-долго смотрел в дупло — и вдруг все вокруг осветилось от

его глаз, как от солнца. Я воспользовался этим и ударил льва прикладом по морде. Лев зарычал так, что столетние деревья закачались. Видно, лев на меня сильно рассердился. Он разом повернулся задом, запустил могучий хвост в дупло и хотел, зацепив меня, вытащить из дупла, как канатом. Я не растерялся. Схватил льва за хвост и закричал, что есть мочи. С испугу лев запрыгал туда-сюда, а вырваться не может, задержался, липу с корнем вырвал и поволок меня куда-то.

«Вот оно что!—подумал я.—Как бы заставить его дотащить меня до деревни?»

Начал я бить льва прикладом и гнать вперед. Лев бежит быстро. Встречные от страха падают на землю. Что за диво! Как это лев зацепился за липу? Никто понять не может.

— Не бойтесь!—кричу я, но меня никто не слышит.

Я мчусь дальше, как ветер. Подбежал лев к околице и хотел проскочить дальше, в деревню.

«Ну, пропал!—подумал я.—Обязательно застряну в воротах».

Так и вышло. Дерево застряло в воротах, и лев остановился, как вкопанный. Целую ночь до самого утра пришлось просидеть мне, держась за длинный хвост. Утром собралась около меня вся деревня.

— Кто там в дупле?—спрашивают соседи.

— Это я, Степан Лапшин.

— Как же ты попал туда?

Тут я рассказал односельчанам, как и где поймал льва.

Народ стал советоваться, куда посадить льва. В конце концов решили: посадить льва в каменный подвал к Никите Хрисанову. А Василий Хвастун кричит:

— Не надо, не надо в подвал!.. Я застрелю льва и спасу Степана Лапшина от смерти.

—Ты глупый болтун,—сказал я ему, и он замолчал. Мужики отпилили часть старой липы, чтобы можно было войти в ворота и я погнал льва прямо к подвалу.

Как только добежал лев до дома Никиты, так сразу и прыгнул в подвал. Как будто обрадовался чему-то. А я едва успел выпустить из рук хвост льва. Выскочив из дупла, тут же крепко запер вход в подвал.

На другой день я послал двух односельчан на станцию объявить о том, что известный охотник Степан Лапшин из деревни Ямаш живьем поймал льва, убежавшего из вагона.

После этого случая я так прославился, что меня знали все ребята. За то, что я поймал живого льва, меня и прозвали самым знаменитым и непобедимым охотником.

Наградили меня деньгами. Хотели взять на работу в цирк, чтобы ухаживать там за львами, да не согласился я.

Как я восемью
выстрелами убил
несколько сот
рябчиков

Жедневно я получаю по сотне писем. Пишут мне из разных мест на разных языках и сообщают, что мои сказки нравятся всем.

Сегодня школьники из деревни Тукаль прислали мне письмо. Вот что они пишут:

«УВАЖАЕМЫЙ ДЯДЯ СТЕПАН!

Мы очень любим Ваши сказки и желаем Вам долгой жизни. Вы — лучший в округе охотник и славный человек! Очень много Вы поймали разных зверей. Нам интересно знать, ловили ли Вы уток, куропаток, рябчиков? Если ловили, то расскажите нам, как Вы охотились на птиц.

Мы уверены, что Вы удовлетворите нашу просьбу.

Школьники из деревни Тукаль».

Правда, ребята, я много ловил уток, тетеревов и рябчиков. Меня считали не только знаменитым охотником, но и опытным птицеловом. Каких только птиц я не ловил! Даже сибирские охотники не ловили столько! А в Сибири я бывал несколько раз. Особенно любил охотиться в сибирской тайге на рябчиков.

Как-то жил я в одной деревне, где много было охотников. Деревня была расположена на опушке огромной тайги, где

было много кедров. Осенью жители деревень собирали кедровые орехи целыми возами и давили из них масло. Вот и моя старуха стала просить меня: давай пойдём за орехами. Одна-то она боится.

Взяли мы по мешочку и рано утром пошли в тайгу. Нужно признаться, мы со старухой никогда не видали кедрового дерева и начали шарить по всем кустам—нет и нет орехов! Целый день бродили мы по тайге, но не нашли ни одного ореха. «Неужели люди все орехи обобрали?»—думаем со старухой. Мы, было, собрались домой, как вдруг встречается сосед и спрашивает:

—Что ищете, дядя Степан?

—Да вот, за орехами пришли,—отвечаю ему.

—Ха-ха-ха!—засмеялся он.—Да ты, видно, и не знаешь, которое тут кедровое дерево?—И показывает рукой на большое и толстое дерево.

Подшли мы к дереву—оно высокое-превысокое, ветвями неба касается. Посмотришь вверх—голова помутится, шапка наземь слетит. Ударил я обухом топора по стволу—ничего нет: хоть бы один орешек упал.

—Гляди-ка, Степанушка, гляди сюда!—вскричала вдруг старуха.

Посмотрел я и ахнул: над нижними густыми ветвями кедра шумно вспорхнула стая темно-синих птиц, похожих на уток.

Осторожно подкрался я к другому кедру. Вижу, сидят на нем жирные-прежирные птицы. Мне даже показалось, будто я вижу жир сквозь перья. Я смотрел на них, затаив дыхание. В горле у меня пересохло. Хорошо бы отведать мяса! Но что это за птицы?

Забыли мы со старухой про орехи и вернулись домой с пустыми мешочками. До орехов ли тут! Одолела меня

дума: как бы этих неведомых птиц на ужин наловить.

А в деревне смеются люди:

— Эх, не умеешь ты, Степан, собирать орехи! А называешься еще знаменитым охотником. Куда уж охотиться, когда даже орехи собирать не умеешь. — Особенно ехидничал один местный охотник, считавший себя самым хитрым и ловким.

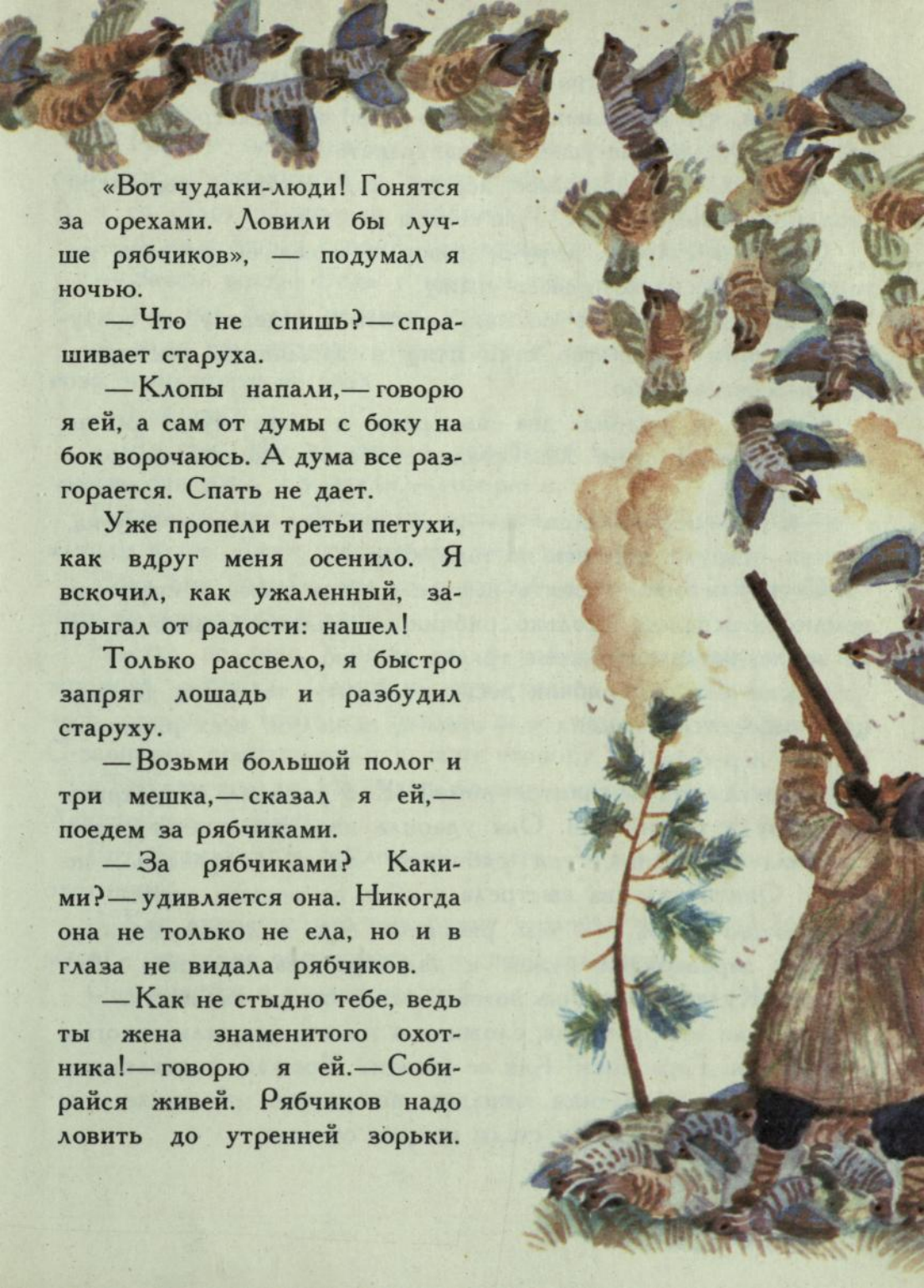
— Не всегда Степану удача. Погодите, — говорит он, — я схожу за орехами, а потом на охоту. Степану разве угнаться за мной?

Признаюсь, я не знал, как собирать кедровые орехи. Да и на что они мне? Орехи щелкают только белки.

Приходят вечером к нам соседи. Рассуждают про орехи.

— Если рябчики не поедят, можно полный амбар этих орешков набрать.

Тут только я и понял, что жирные птицы на дереве называются рябчиками.

«Вот чудак-люди! Гонятся за орехами. Ловили бы лучше рябчиков», — подумал я ночью.

— Что не спишь? — спрашивает старуха.

— Клопы напали, — говорю я ей, а сам от думы с боку на бок ворочаюсь. А дума все разгорается. Спать не дает.

Уже пропели третьи петухи, как вдруг меня осенило. Я вскочил, как ужаленный, запрыгал от радости: нашел!

Только рассвело, я быстро запряг лошадь и разбудил старуху.

— Возьми большой полог и три мешка, — сказал я ей, — поедem за рябчиками.

— За рябчиками? Какими? — удивляется она. Никогда она не только не ела, но и в глаза не видала рябчиков.

— Как не стыдно тебе, ведь ты жена знаменитого охотника! — говорю я ей. — Соберайся живей. Рябчиков надо ловить до утренней зорьки.

— Нет, ни за что не поеду в лес до зари!

Бойтся, что поделаешь! Еле-еле уговорил. Быстро выехали мы в тайгу, даже не успели позавтракать.

Долго искали то самое дерево, под которым мы вчера стояли. Наконец нашли. Уже совсем рассвело.

Сунул я старухе в руки топор и велел ей стучать по тем деревьям, на которые я укажу.

Ударила старуха с размаху обухом по дереву, и сразу же над ним поднялась стая птиц и заслонила, как туча, предрассветное небо.

Сделал я подряд два выстрела и сбил чуть ли не половину всей стаи. Мы стали считать — насчитали более ста птиц.

— Ого! — обрадовался я, — дело на лад пошло. Ну-ка, стукни, старуха, еще вон по тому кедру.

Стукнула она, я опять выстрелил два раза, и снова на землю посыпалось столько рябчиков, сколько бывает яблок на земле, когда начинаешь трясти яблоню.

«Если каждый рябчик весит по фунту, то пудов двенадцать наберется, — решил я, — этак я, пожалуй, всех рябчиков в тайге перебью».

Старуха моя торопится домой. Еле упросил ее ударить по кедру в третий раз. Она ударила изо всех сил, и опять взлетела громадная стая рябчиков. Здесь я, конечно, не зевал. Опять дал два выстрела и сбил не меньше сотни.

Смотрю вверх, А там рябчиков еще видимо-невидимо. Быстро перезарядил ружье и дал еще два выстрела. Что делать? Куда ни ступишь ногой — везде птицы валяются.

Собрали мы рябчиков, сложили в телегу, покрыли пологом и мешками. Гора дичи! Как ее увезти? Кое-как, подталкивая сзади телегу и помогая лошадке, выбрались мы из лесу и приехали домой. Совсем стали мокрые от пота.

Завидев издалека воз, сбежалась вся деревня. Ахают: где столько настрелял?

— Ничего особенного нет. Ударю топором по стволу, рябчики со страху так и валятся под ноги, — отвечаю им. — А я со старухой только подбираю. Попробуйте и вы.

— А не врешь, Степан? — спрашивают некоторые.

— Зачем врать! Ведь у меня и ружья не было с собой. Если бы нас было четверо, еще больше привезли бы.

А надо вам сказать, что ружье я спрятал на самом дне воза, чтоб никто не знал.

— Как так?

— Да так. Мы не смогли подобрать всех упавших птиц, многие очнулись и улетели, — говорю я.

Поверили мне. Запрягли лошадей, забрали мешки и покатили в лес. Даже всех ребят своих забрали.

Пока они ездили, мы со старухой ощипали и заготовили пять больших кадок дичи.

Настал полдень. Сидим мы в избе и едим вкусного и жирного рябчика. Слышим стук колес: возвращаются из леса соседи с пустыми возами и с пустыми желудками. С завистью посматривают в нашу сторону.

«Так вам и надо. Не будете больше смеяться над Степаном Лапшиным», — думаю я.

Вот проехала и последняя телега. Вернулись все наши охотники.

— Как думаешь, что они будут готовить на ужин? Какое мясо? — шутливо обращаюсь я к своей старухе.

Она смеется и качает головой.

Как я ловил диких уток рыболовными крючками

ил у нас в деревне старый охотник Герасим Кудрявый. Встречает он меня однажды на улице и говорит:

— Эх, Степанушка, дружок, знаешь ли ты, как вкусно мясо дикой утки? Раз попробуешь, а потом и не захочешь взглянуть на зайца.

«Что это он, старый лгун, замышляет? Ведь сам еще ни разу не поймал ни одной утки»,—подумал я и, не вытерпев, спрашиваю:

— А ты пробовал утиного мяса?

— Нет, не приходилось,—хитро отвечает Герасим.—Куда уж мне! Вот дедушка мой видел, как барин один ел.

— Это что?! Хорошо бы самому попробовать утиного мяса,—говорю я. И засела у меня в голове мысль поймать дикую утку. Но тогда я не знал, как это делается. Спрашивать у других мне, знаменитому охотнику, было стыдно. Ведь ни один из наших охотников ни разу на своем веку не подстрелил утку. А мне с каждым днем все больше и больше хотелось отведать утиного мяса. Зайчатина совсем опротивела.

Настала осень. Как-то утром отправился я в Ямашский лес. Дошел до Ипатины болота. Знал я, что утки в болотах

водятся. Около болота уже бродили наши охотники, с ними был и Герасим Кудрявый. Я заметил, что никто из них еще не успел подстрелить ни одной утки.

— Ну, как охота?

— Плохо, — отвечают они, — уток здесь много. Только беда: подстрелишь, а лазить в воду боязно, в тине увязнешь. Кто тебя потом оттуда вызволит? Каждый за свою жизнь трясется.

— Да-а, — согласился я, — кому охота из-за этой птицы, величиной с рукавицу, хворать и умирать.

— Правильно! — согласились охотники. — Была бы дичь! А то по семи молодцев на один овсяный блин.

Погода стояла холодная. Не сегодня-завтра вода затянется ледком. Я говорю охотникам:

— Утки не улетят, теперь ночи стали длинные, осень поздняя. И почему до сих пор не подморозит, понять не могу.

— Ну, уж если подморозит, ни одной утки и не увидишь, — посмеивается Герасим Кудрявый.

— Ты хотя и старик, а видно, совсем не знаешь, как ловят уток, — говорю ему.

— Не тебе знать! — отвечает он.

— Когда подморозит, уток младенец может ловить. Дедушка мой всегда, как подморозит, привозил битых уток возами...

— Да ну! Как так? — всполошились все охотники, даже курево забросили.

— Да так! Кому не известно, что утки всегда спят на воде? Как стукнет мороз, они все и застрянут во льду. Только собирай, как грибы в лесу...

Поверили охотники и, радостные, отправились домой. Нельзя не поверить знаменитому охотнику.

Остался я один и спрятался в дупле. Было холодно. Набрал я сухого хворосту, развел костер, и скоро в дупле стало жарко, как в бане. Снял я одежду и славно выпался. Приснился мне смешной сон: будто болото замерзло, и охотники наши, один за другим, быстро подъезжают к нему. Колеса стучат по мерзлой земле, как по чугуну, так сильно, что я проснулся. Смотрю и глазам не верю: утки, встревоженные шумом и разговором охотников, сгрудились в зарослях и заполнили все болото, даже воды нигде не видно. Жирные-прежирные, но, видать, голодные. Одна утка схватила лягушку и никак не может проглотить, а другие с кряканьем окружили ее и стараются отнять добычу.

— Эге, — смекнул я, — надо бы их накормить.

Тут мне пришла в голову догадка. Где-то, слышал я,

ловят уток простой приманкой: кусок свиного сала привязывают к длинной прочной нитке и бросают уткам. Утки тянутся к салу и повисают на нитке. Но эти утки были чересчур жирные, и мне не верилось, что они могут так попасться.

На свою голову я надеялся больше всего, доверял ей больше, чем самому близкому другу. Она не раз выручала меня из беды. Быстро зашагал домой. К вечеру добрался до деревни Пахчал. Около кооператива увидел толпу. Подошел и вижу — лавка битком набита народом.

«Наверное, привезли хорошего товару», — подумал я и протискался в лавку. Шум и крики оглушили меня.

— Эх, вы, торговцы, такие-сякие, — ругался один.

— Кому нужны теперь твои рыболовные крючки?

— Верно! Разве нужны они к зиме? — кричали все.

— Какие крючки? — спросил я у продавца.

— Какие, какие... Рыболовные.

— Даже не знают, каких крючков присылать. Да разве такие огромные крючки рыба может схватить?! — возмущался один старик с широкой бородой.

Никогда я не видел крючков этих. И решил поглядеть на них. Дали мне целую связку.

Вот тут-то и мелькнула у меня мысль: «Да ведь этими крючками можно поймать всех уток на Ипатином болоте!»

Я закупил все крючки и побежал домой. Взял у старухи три больших мотка ниток, нарезал много концов по метру длиной и привязал их к вожжам, свитым из пеньки. К каждому концу прицепил рыболовный крючок с насаженным на него кусочком свиного сала. Всего приготовил десять таких вожжей, а на каждой вожже по двести крючков. Не теряя времени, понес я все вожжи на Ипатино болото и закинул в воду. «Если на каждый крючок попадется по утке, то их

соберется не меньше двух тысяч, и они потащат вожжи», — подумал я и крепко привязал их к деревьям.

На другой день поехали мы со старухой за утками на двух подводах. Приехали и удивились: в самом деле, на каждый крючок попало по одной утке! Но из десятка вожжей одни вожжи мы не нашли. Где же они? Скоро мы заметили, что дерево, к которому я вчера привязал вожжи, тоже пропало. Удивительно!

«Утки сильные, видно, они разом взлетели в воздух и унесли с собой дерево», — подумал я.

И, действительно, недалеко от болота я нашел это дерево: оно зацепилось за другие деревья, и утки, как ни порывались вверх, не могли его унести.

Насилу мы справились со всеми утками. Они тянули нас в небо. Пришлось сначала каждую заколоть, а то они нас вместе с возом подняли бы в воздух.

Три дня мы возились дома с битыми утками: резали, солили, складывали в большие кадки.

На четвертый день ударили морозы, и вода замерзла чуть ли не на целую четверть.

И вот наши хваленые охотники запрягли лошадей и покатали к Ипатину болоту ловить диких уток. Конечно, там ни одной утки не оказалось. Всех уток в Ямашском лесу переловил я, знаменитый охотник Лапшин Степан. Посмеиваясь над ними, я говорил старухе:

— Пускай едут! Как не расти яблоку на сосне, так и этим охотникам не видать ямашских уток.

Так я совершил свою очередную удивительную охоту. Я стал еще и еще знаменитее.

Как я стаями ловил диких гусей

ы, конечно, слышали, как весною с шумом пролетают дикие гуси, но никогда их не видели. Да и видеть их не могли вы, так как они летают очень высоко, почти над облаками.

Несмотря на это, я много раз ловил диких гусей целыми стаями.

— У нас дикие гуси не водятся, живут они у Северного Ледовитого океана, — рассказывали мне люди. Но я им что-то не верил.

— Нет, не на севере живут дикие гуси, а на юге, — говорили другие.

Этим я тоже не верил. Признаться, я хотя и сам не знал, где живут дикие гуси, но слышал, как они стаями пролетают над деревней, высоко-высоко, чуть видать.

И все же я ловил диких гусей. Однажды удалось мне поймать всю стаю, ни одна птица не улетела. Слушайте, как дело было.

Каждой весной гуси летали над нашей деревней по двадцать-тридцать стай в день. «Сколько мяса напрасно пропадает!» — думал я, с завистью глядя на летящие вереницы.

Так, видно, думали и наши односельчане-охотники. Бывало, выскочат они на улицу и давай стрелять вверх, в небо.

Но разве попадешь при такой высоте? Конечно, никто из них не подстрелил ни одного гуся. А Василий Хвастун, бывало, залезет на крышу или на дерево и стреляет, но все без толку.

— А ты лучше бы приставил лестницу к облакам и ловил бы гусей прямо руками, — смеялись над ним соседки.

Тот сердился и молча уходил в избу, покусывая бородку.

И чего только не придумывали наши охотники! Одни тащили в поле большой полог и, расстелив его, посыпали овсом и сторожили — не слетятся ли гуси на овес? Другие целыми днями искали гусей в Ямашском лесу, на болоте. Однако ж там не только гусей не было, но и лягушек.

Я не был так глуп. Я понимал, что все это ни к чему. Стал думать и вспомнил, что дикие гуси любят щипать озимь. Еще бы! Они весь день летят, а вечером, когда в поле не видно людей, садятся на озимь где-нибудь на ровном месте или пригорке.

Таких мест у нас только два: Сармандеев холм да левый откос на берегу речки Сявал. На холме озимь была плохая, туда гуси ни за что не сядут, если даже месяц будут голодать. А около речки озимь была густая, высокая, словно зеленый ковер. Там я заметил много гусиных следов и вернулся домой. А сам думаю: «Ну, головушка моя, помоги мне и придумай, как теперь поймать гусей».

Думал-думал и придумал. Решил взять рыболовную сеть, которую недавно приготовила моя старуха, растянуть эту сеть на озимь — там, где видно много следов, — и тогда... Да, тогда гуси, конечно, непременно попадутся: они будут тянуться к озими, нечаянно просунут голову в сетку да так и застрянут, обратно выдернуть головы не смогут.

Никому об этом я не сказал ни слова. Лишь стемнело, притащил я сеть к речке, растянул ее поверх озими, прикрепил колышками и вернулся домой.

В этот вечер охотники собрались у Василия Хвастуна поговорить об охоте на диких гусей. Зашел к ним и я. Слышу, Василий говорит и, как всегда, бессовестно врет.

— Гуси ночью летят очень низко: надо выйти ночью в поле и подстеречь их.

Я слушал, слушал, не утерпел и говорю:

— Если ночью ты выйдешь и сядешь в поле, гуси подцепят тебя и унесут.

— Ты хоть и считаешь себя знаменитым охотником, но не поймать тебе ни одного гуся, — сердито отвечает он мне.

— Хочешь, сейчас же притащу тебе полсотни живых гусей с поля, — разгорячился я. — Только ты, смотри, не лопни тогда со злости, как надутая лягушка.

Василий то бледнеет, то краснеет и не знает, чем еще поддеть меня.

— Я сам запрягу тебе лошадь, пожалуйста, только съезди за гусями, — говорит он.

Я согласился. Василий запряг мне своего коня. Взял я длинную крепкую веревку и поехал на Сявал. Вижу, действительно, барахтаются в сети дикие гуси. Сосчитал я их: ровно семьдесят два гуся! Лежат гуси в сети, устало хлопают крыльями. Совсем из сил выбились. Колышки все повидернули, один только и остался, да и тот еле держится.

Если бы не этот последний колышек, давно бы улетели мои гуси и унесли бы сеть.

Стало светать. Связал я всех гусей за крылья, привязал к веревке и нагрузил полный воз. Везу домой, а люди в деревне уже просыпаются. Приехал я домой, спрятал сеть и поехал к Василию.

Все охотники завидовали мне и не могли понять, как я сумел поймать столько гусей. Все ахали, хлопали себя по бокам и расспрашивали меня. Я ничего не отвечал и улыбался, думая: «Хорошо иметь умную голову на плечах: она всегда выручит».

С тех пор, бывало, каждое утро я привозил гусей, но никому не говорил, как я их ловлю. Всю весну охотился я таким образом и удивлял всех своим умением и ловкостью.

Как я привел домой всех тетеревов из Ямашского леса

аких только зверей и птиц не водилось в Ямашском лесу! Лес огромный, выбраться из него трудно. Охотники бродили там и днем и ночью, летом и зимой, но никакой дичи не находили.

Ну, да разве это охотники были? Так себе, пустоголовые лодыри. Поймают белку — и на базар! Продадут шкурку и давай гулять, веселиться.

Смешно покажется, а ведь правда, что ездили эти горе-охотники из-за какой-нибудь единственной шкурки даже в город на ярмарку.

Сколько пар обуви зря износили, сколько пудов пороха зря перестреляли эти охотники! Наверное, этого не могут высчитать и знаменитые математики. Таким образом, шли дни, недели, месяцы, годы.

Думаю, что от порохового дыма наших охотников даже листья на деревьях посерели, а весь Ямашский лес словно заиндевел, потерял свой прежний зеленый вид. Я очень боялся, что звери и птицы не станут жить в таком голом лесу, и часто думал: «Если это случится, то где же я буду охотиться?»

Но, к счастью, мои опасения не оправдывались. В каждую осень в Ямашском лесу полно было разных зверей и птиц:

в Устюжском овраге стадами ходили медведи, над Ипатиным болотом стаями летали дикие утки.

Открою вам всю правду. Не будь Ямашского леса, не стал бы я знаменитым охотником. В этом лесу я много ловил медведей, волков, лисиц и других зверей. Там же я поймал живого льва. Наконец, в этом же лесу я научился ловить тетеревов, о которых раньше ничего не знал.

Как оказалось, тетерева не любят болотистых мест, а живут либо в березовых рощах, либо поближе к рябине. Весной они питаются березовыми почками, а осенью любят полакомиться спелой рябиной.

Простое дело, но об этом я раньше ничего не знал.

Как только настала весна, пошел я в лес, отыскал березняк и рябинник. Не успел я сделать несколько шагов, как увидел великое множество тетеревов. Но были они такие тощие, худые.

«Надо ловить их осенью, когда они будут жирные да еще птенцов выведут кучу»,— решил я и стал ждать осени.

Однажды мои соседки пошли в лес за метлами и принесли маленького тетеревенка. Они набрали на те места, где я был весной, и нашли там тетеревиное гнездо.

Зажарили они птенца, съели и распустили по всей деревне слух, что вкуснее тетеревиного мяса на свете нет. Потянулись тогда наши охотники в лес. Но тетерев—птица хитрая, зоркая, и потому ни одного тетерева они за все лето не поймали.

Как только лес оделся золотом осени, я пошел посмотреть на тетеревов. Ходил по лесу целый день и не нашел их. Но, думаю, раз пришел, надо подождать, пока тетерева уснут. Подумал я так и лег спать. За день я сильно устал и так крепко заснул, что проснулся только к вечеру. А когда

проснулся, смотрю — и не верю глазам своим: вокруг меня расхаживают жирные тетерева и лакомятся спелой рябиной. Я догадался, в чем тут дело. Днем они прячутся в высокой траве, а по вечерам выходят из своих тайников к рябине. Я начал кормить их рябиной — и они окружили меня, точно домашние куры.

«А ведь вас и в три дня не накормишь», — подумал я. Срубил большой куст рябины и потащил его к дому. Тетерева набросились на рябину, как саранча, и до самого дома ни один из них не отстал. так они и пришли за мной и заполнили весь мой двор.

К этому времени стало уже светло. Куда их загнать? Нет у меня ни крытого птичника, ни сарайчика. Зачем я столько их набрал? Решил позвать старуху, — что она скажет.

Позвал старуху, а она спросонок и не поймёт никак, что это за птица, откуда ее столько взялось и зачем.

— Сейчас же отведи обратно, откуда привел! — приказывает она мне сердито. — Кто знает, что это за птица! Может, они огород разоряют!

— Ведь это тетерева, — говорю я ей.

— Тетерева! — всплеснула она руками. — Что же ты, простофиля, стоишь, как чурбан?

Тут только она поняла, в чем дело. Отломив ветку рябины, она чуть ли не половину тетеревов заманила в избу.

Остальных мы приютили тут же, посреди двора, устроив для них из пологов временные шалаши, — пришлось занять их у соседей, своего не хватило.

Чуть ли не все тетерева, сколько их было в Ямашском лесу, оказались у меня во дворе.

Долго мы со старухой ели вкусное мясо тетеревов, много продали на базаре. Часть роздали соседям, и все-таки еще немало тетеревов осталось на зиму.

Старуха приучила их сидеть на шестах вместе с курами. Они каждый год выводят множество птенчиков. Теперь я питаюсь только тетеревиным мясом.

Если кто из вас будет в деревне Ямаш, заходите ко мне непременно. Я каждого с радостью угощу вкусным тетеревиным мясом, и вы убедитесь, что все рассказанное здесь не выдумка, а чистая правда.

А не верите — попробуйте сами поохотиться на тетеревов.

Как я нашел
волшебный цветок
и попал
в Уссурийскую
тайгу

ри года я не был в Ямашском лесу. За это время развелось там множество всякого зверья и птиц. Всюду носились зайцы, в густых зарослях жили лисицы, в оврагах стадами бродили медведи.

Не только жители, но и охотники наши боялись ходить в лес; некоторые не решались выходить даже за гумно. Однажды Василий Хвастун, увидев в овраге несколько медведей, с испугу запер среди белого дня ворота и просидел в избе до поздней ночи. Над ним даже ребята смеялись.

А я не боюсь зверей, это все знают. Однажды я пошел на охоту в лес. День был ясный, теплый. Солнце припекало, грязь на дороге высохла. Идти было легко.

Скоро я дошел до леса и прямо направился к Устюкскому оврагу. Овраг этот глубокий, на склонах его лежат громадные камни-голыши, величиной с небольшой домик. Сверху камни обросли мхом, который напоминает волчью шерсть. Под этими камнями много медвежьих берлог.

Дойдя до оврага, я присел на пень и вспомнил, что ружье у меня заряжено мелкой дробью. Я перезарядил его картечью. Мелкой дробью медведя не убьешь.

Долго я шатался в лесу, но не встретил ни одного зверя. Даже заяц не попался.

«Уж не чуют ли меня медведи и другие звери,— думаю,— не спрятались ли? Надо спуститься в овраг и выгнать медведей из берлог»,— решил я и стал искать удобного места. Прошел шесть-семь километров и добрался до самого конца оврага, но и там не нашел такого места. Обидно даже стало, так обидно, что решил уйти домой.

Вдруг среди засохшей травы заметил я какой-то цветок. Яркие и большие лепестки его сразу же закрылись, как только я подошел и нагнулся над ним, чтоб полюбоваться.

«Этот цветок стыдится меня,— подумал я.— Это какое-то волшебное растение, надо взять его с собой, посадить дома в горшочек и поставить на окно, чтобы все удивлялись».

Хотел я выкопать растение, но не смог. Корни его были очень длинные, ветвистые, под густой травой их сразу и не разглядишь.

«А нет ли,— думаю,— около него выпавших семян?»

Пошарил по траве, нащупал корень потоньше, а на конце его чашечку, величиной с лесной орех. Внутри чашечки вижу блестящее зернышко не более горошины. Я обрадовался.

«Лучше зернышки эти соберу, посажу в грядки, и вырастут такие же цветы».

Но не успел я дотронуться до зернышка, как чашечка съежилась и закрыла его.

«Что это за растение, уж нет ли у него глаз?»— подумал я.

Спрятался за дуб и стал ждать. Через минуту цветок опять раскрылся. В это время прожужжал мимо меня жук и сел на чашечку. Я глядел, не отрывая глаз. Чашечка вмиг сомкнулась и поглотила жука.

«Что-то с ним будет теперь?»— думаю, пораженный этим.

Вот опять раскрылась чашечка, и я увидел, как оттуда выпали остатки жука: рожки да ножки. Вот так история!

Я забыл и про медведей и про всех зверей, всё думал о волшебном цветке.

«Если размножить это растение, будет огромная польза, ведь оно уничтожит жучков, мух и мошек, которые летом покою не дают ни людям, ни животным».

Я выдернул цветок с корнем, на конце которого была чашечка, быстро выковырял зернышко и... съел. Зернышко было хотя незрелое, но очень сладкое. Никогда я такого не пробовал.

Что случилось со мной? Веки мои отяжелели, глаза стали закрываться, я начал часто зевать — спать сильно захотелось. Нарвал охапку травы, подложил под голову, лег и заснул.

Страшный сон мне приснился. Будто ходит по Ямашскому лесу невиданный сказочный великан, шагнет и семь километров отмерит! Вот шагнул он ко мне, и я чуть не угодил ему под ноги. Закричал я от страха и проснулся. Вскочил, сел и ничего не соображаю.

Где я? Кто я? Батюшки мои! Сижу я высоко над лесом, верхушки деревьев едва касаются моей бороды. Внизу лес, кругом лес. Что такое?

Волосы дыбом поднялись на голове, когда я взглянул на свои ноги: они выросли и протянулись далеко за лес, чуть ли не до самой деревни. А под ногами пораскиданы деревья, будто смятая трава.

А когда я поднялся на ноги — голова моя очутилась в темной грозовой туче. Лес был ниже моих колен. Я чуть-чуть

дунул, и туча около меня рассеялась. Пошупал шапку,—она тоже выросла. Кафтан, сапоги, штаны—все стало огромным, широким, как у настоящего великана. И нигде ничего не порвано, все цело.

«Это хорошо!»—подумал я, а иначе где я достал бы столько денег и материалу, чтобы починить или купить новое платье? Только вот жалко: лопнул ремень, и ружье отлетело, куда отлетело оно, право, не знаю. Ведь ни у кого в деревне не было такого хорошего ружья. Обидно. Отыщет его кто-нибудь и станет таким же знаменитым охотником.

Я решил поискать ружье. Вспомнил, что я лег спать около Устюжского оврага, где и должно быть мое ружье. Вспомнив это, сделал один шаг.

Что я наделал? Где я? Где Ямашский лес? Я стою у гумна, что позади деревни Игорвары. Как же я попал сюда? Сделал только шаг—и отмахал семь километров! Лес сразу кончился. Глянул вниз—лежит в траве мое ружье. Оно мне показалось не больше карандаша. И как я его разглядел, даже не знаю. Значит, очень зорки мои глаза. Взял я ружье и положил в боковой карман.

Но как же я буду без ружья? Вдруг придется стрелять? Я поспешно начал шарить в боковом кармане—нет ружья. Куда провалилось? Искал, искал, чуть ли не три часа искал и еле-еле нащупал его на самом дне кармана.

Ремня ружейного уже не было, за плечами болталась веревка метров в двадцать длиной, я взял ее с собой из дому на всякий случай. Ее хватило только один раз обернуть вокруг моего пояса.

Что теперь делать? Захотелось посмотреть мне другие места, другие леса и поля. Вот и начал я шагать. Сделал шаг—семь километров отмахал, сделал второй—опять столько же. Я легко обгонял поезда, машины и даже самолеты.

Скоро добрался я до Уральских гор и зашагал по их вершинам. Коснулся я головой облаков. Иду и вдруг слышу: у правого уха что-то шумит, звенит. Неужели жук на такой высоте? Протянул руку, схватил что-то: в руке у меня очутился двухмоторный самолет. Это он гудел, пролетая мимо меня. Заглянул в окно кабины — там полно пассажиров.

Узнав, что я двигаюсь быстрее их, люди попросили меня понести их вместе с самолетом. Я охотно согласился. Ухватил самолет за колеса одной рукой и понес. Пассажиры открыли окна и всю дорогу разговаривали со мной. Через час я дошел до Дальнего Востока. Здесь я расстался с

ними. Самолет должен был лететь на север. Пассажиры были очень рады, благодарили меня, что вместо целого дня им пришлось потратить на дорогу только час. Летчик знал эти места хорошо и посоветовал мне идти на охоту в Уссурийскую тайгу. Показал даже дорогу.

— Но как теперь пустить самолет? Ведь он не может сразу взлететь, ему надо сначала разбежаться, — говорит мне летчик.

Посадил я самолет на ладонь и говорю летчику:

— Я чуть-чуть дуну, помогу вам взлететь.

—Так нельзя, надо пробежать нам по ровному месту,— говорит летчик и выскакивает из кабины, чтобы посмотреть, ровное ли место на моей ладони.

Вдвоем с помощником начали они считать, вымерять длину ладони. Я тут загляделся по сторонам и не заметил, как летчик провалился в щель между указательным и средним пальцем. Вдруг я увидел: что-то белое мелькает и медленно идет вниз. Это был парашют. Я быстро подхватил его снизу, на ладонь. Летчик не растерялся. Он быстро сложил парашют и повесил его опять на спину. Летчик даже успел запомнить: длина моей ладони до пальцев составляла четыреста семьдесят восемь метров. Значит, до кончиков пальцев еще столько же, а всего почти целый километр.

—Как-нибудь пробежим,— сказал он,— ты только стой и не дыши минутку.

Он запустил мотор и направил машину по самой длинной дороге, вдоль среднего пальца, где я ногтем провел след. Самолет добежал до конца и плавно поднялся вверх. Пассажиры замахали мне платочками.

Сделав не более десяти шагов, я добрался до Уссурийской тайги.

Тайга эта огромная, как океан. Там столько всяких зверей и птиц, что дух спирает при виде их у охотника. Завидев меня, все звери начали прятаться. Я наклонился и схватил одного медведя. Он показался мне не больше котенка. Посадил я его на ладонь, смотрю: злится медведь, урчит и весь трясется от страха. Взглянул себе под ноги — там еще медведь с двумя медвежатами играет. И этих взял. Спрятал медведей в карман, но места там было еще много, можно поместить целый десяток.

Сделав два шага, я очутился у болота, заросшего травой. Смотрю, играют на солнце тигры, желтые пятна на

бархатной шкуре светятся, как золото. От тигров поляна кажется светло-желтой. Обрадовался я и схватил двух тигров. Они так громко зарычали, что разбудили остальных. В одну минуту все тигры разбежались, а пойманные изо всех сил порывались выскользнуть из моих рук; один укусил меня за большой палец. Я почувствовал легкий укол, будто укусила мышь. Разсердился я и шлепнул тигра по носу. У него показалась кровь. Я не стал больше возиться с ними и сунул обоих в карман.

Через три шага я наткнулся на львов. Они оказались очень смелыми. Услыхав мои шаги, бросились ко мне и окружили со всех сторон. Один из них зарычал на всю тайгу и вцепился в носок моего сапога. Тряхнул я ногой, и лев отлетел на несколько километров. Испугались другие львы, стали разбегаться, остались около меня только самые большие и смелые. Я не стал больше ждать, забрал их и тоже спрятал в карман.

В этот день я ходил много и набил полные карманы всякими зверями. Когда закатилось солнце за голубые сопки, я почувствовал сильный голод. Что делать? Не прошел я двух шагов, как увидел в лесу большую артель рабочих-лесорубов. Они жили здесь и работали. В столовой для них готовился обед из трех блюд на пятьсот человек. Громадные котлы шипели и дымились.

«Ну, этого обеда мне хватит только на три глоточка», — подумал я.

Пожалев рабочих, не стал обедать, несмотря на то, что они очень просили отобедать с ними вместе.

«Пойду-ка лучше домой и наемся досыта. Наверное, старуха зажарила тетеревиное мясо и давно ждет меня», — подумал я и направился домой.

Скоро завидел я издали Чураччинскую больницу, которая

в пяти километрах от нашей деревни. Я оглянулся, где мне присесть отдохнуть. Вблизи не оказалось ни одного удобного места. Осторожно я сел на крышу больницы, словно на табуретку, наклонился, легонько постучал в окно, но стекло со звоном высыпалось из рамы. Выбежали люди, увидели великана на крыше, замерли от удивления. Они не узнали меня и решили, что я пришел за помощью, как больной. Вызвали местную пожарную команду с длинными лестницами и приставили ко мне. Доктора влезли на мою грудь, постукивают молоточками, через трубочку слушают мое дыхание, спрашивают:

— Что болит у тебя?

— Живот болит, — говорю.

— Наверное, съел что-нибудь сырое или неспелое?

Я сказал им, что в Устюжском овраге нашел семена удивительного растения, поел их, лег спать и за ночь вырос в такого великана.

Удивились доктора и стали думать, как меня сделать прежним, таким же, как все люди.

— Я придумал, — вскричал один старый доктор, — ему надо дать касторки, тогда те семена выйдут, и он сделается маленьким.

Тут я вынул из карманов несколько зверей.

Доктора сразу перепугались, некоторые даже упали в обморок.

— Не надо бояться, — сказал я и спрятал зверей в карманы. Долго думали доктора и надумали, что зверям надо дать яду, отравить их.

— Нет, я на это не согласен ни за что, — сказал я. — Хочу устроить в нашем колхозе зоологический сад. Это всем интересно будет.

— Ну, тогда ступай, откуда пришел, — рассердились на меня доктора.

— Неужели вы не узнаете меня? — спросил я. — Ведь я — Лапшин Степан.

Они узнали, обрадовались, протягивают мне руки, но я никак не мог их пожать, так они были малы, я только смог коснуться их своим мизинцем.

— Есть у вас лекарство, которое усыпляет? — спросил я.

— Да, — говорят, — есть.

— Так вот и дайте его зверям моим понюхать, они заснут, а в это время сделаете меня маленьким.

Они согласились, усыпили всех зверей и уложили их на дворе больницы. Накрыли зверей брезентом, чтоб ночью они не проснулись. Потом приставили самую длинную лестницу к моему рту и стали носить ведрами касторку и выливать мне в рот. Двадцать шесть ведер выпил я, и скоро мой желудок очистился. Опять стал я маленьким, поблагодарил

докторов и побежал скорей в колхоз за подводами, чтобы увезти зверей, пока они не проснулись.

Колхозники быстро снарядили в больницу более ста подвод и перевезли зверей к себе в деревню.

Видно, хорошую порцию дали доктора зверям: три дни и три ночи спали они, как убитые. Тем временем колхозники построили для каждого зверя особую железную клетку, осторожно перетащили зверей, заперли клетки на замок.

Так образовался у нас колхозный зоосад. Вокруг клеток мы построили высокий дощатый забор. Над входом прибили вывеску.

Меня колхозники назначили директором зоосада. На торжественное открытие этого сада собралось много народа. Всем хотелось поглядеть на диких зверей из Уссурийской тайги.

Прежде всего я позвал маленьких ребят из колхоза, сам повел их по саду и рассказал им, как я поймал диких зверей, где они живут и чем питаются. Ребята были очень рады и все время спрашивали, каким образом я сделался знаменитым охотником. Я даже не успевал отвечать на их вопросы.

А о том, как сделаться знаменитым охотником, вы все прочитали в этой маленькой книжке. Для этого нужно иметь только умную голову на плечах.

Оглавление

Сказка первая

Как я стал знаменитым охотником	3
---	---

Сказка вторая

Как я научился ловить лис	10
-------------------------------------	----

Сказка третья

Как я охотился на хорьков и как мне пришлось один раз за всю жизнь солгать . . .	17
---	----

Сказка четвертая

Как я живьем поймал волка и повредил себе руку	23
---	----

Сказка пятая

Как я из-за медведя просидел трое суток в лесу на дереве	29
---	----

Сказка шестая

Как я живьем поймал льва	35
------------------------------------	----

Сказка седьмая

Как я восемью выстрелами убил несколько сот рябчиков	42
---	----

Сказка восьмая

Как я ловил диких уток рыболовными крючками	48
--	----

Сказка девятая

Как я стаями ловил диких гусей	54
--	----

Сказка десятая

Как я привел домой всех тетеревов из Ямашского леса	58
--	----

Сказка последняя

Как я нашел волшебный цветок и попал в Уссурийскую тайгу	63
---	----

Для младшего школьного возраста

Кузьма Афанасьевич Чулгась (Афанасьев)

СКАЗКИ ОХОТНИКА

Редактор **В. П. Тимаков**

Художник **В. Г. Бритвин**

Художественный редактор **Г. С. Самсонова**

Технические редакторы **В. П. Окина,**

А. Н. Кондрашкина

Корректор **А. И. Елисина**

ИБ 2440

Сдано в набор 10.05.89. Подписано к печати 04.12.89.

Формат 70×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 23,40.

Учетно-изд. л. 3,96. Тираж 80000 экз. Заказ № 1522. Изд. № 78.

Цена 40 коп., в том числе — 15 коп. — наценка.

Чувашское книжное издательство,

428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли.

428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

